

Все это не будетъ гадательнымъ, если: во-1) будуть сплошенність и сочувствіе всѣхъ народныхъ учителей этой идеи, во-2) если они проявить свое непосредственное, активное участіе въ проведеніи ея въ жизнь.

Кромѣ того, не откажутся помочь такому симпатичному дѣлу тѣ учрежденія и лица, которыя заинтересованы въ развитіи народнаго образования въ нашемъ отечествѣ, т. е. М. П. Н., земскія и городскія самоуправленія, мѣстная учебная администрація, для которыхъ такое учрежденіе должно быть дѣломъ близкимъ, почти своимъ.

П. Вас. Andr.

Свадебные обычаи Онежанъ прежде и теперь.

Свадебные обычаи онежанъ въ старину были совсѣмъ не тѣ, что остались теперь. Полѣтка назадъ, по разсказамъ стариковъ и старухъ, брачныхъ церемоній было гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время. Всѣ свадебные обряды и обычай стали сокращаться и упрощаться, и отъ древнихъ церемоній теперь остались только жалкіе остатки. Вотъ какъ разсказываютъ старики и старухи про свои свадьбы, бывшія 50 и 60 лѣтъ тому назадъ.

Тогда, какъ и теперь, у онежанъ были вечеринки, начинавшіяся осенью, послѣ Покрова, продолжавшіяся весь Филипповскій постъ и достигавшія своего „зенита“ на святкахъ. На вечеринкахъ происходилъ смотръ невѣсты и выборъ ихъ женихами, а кряду же послѣ святочекъ начинались свадьбы. Мисоѣдъ отъ Крещенія до Масляницы и теперь остался самымъ свадебнымъ,—такъ было и въ старину.

Памѣтиль себѣ невѣstu, женихъ прежде всего спрашивалъ согласія своихъ родителей,—и если старики не „подорили“ ему сватать на такой-то дѣвицѣ,—то парень съ отцомъ, дядей или братомъ отправлялся на сватовство. Тѣдили сватать всегда на конь, кобылу впряженную не полагается; конь бываетъ въ хорошей, блестящей сбруѣ, впряженный въ маленькия санки съ ковромъ. Сватъ садится на правую сторону саней, а женихъ на лѣвую. Пріѣхавъ въ деревню, гдѣ есть невѣсты, „женихи“ (свата съ женихомъ всегда зовутъ почему-то во множественномъ числѣ) останавливались у кого-нибудь знакомаго, и уже оттуда сватъ ходилъ въ домъ невѣсты.

Дѣло сразу никогда не рѣшилось, и если родители невѣсты не желали отказывать, то собирали всю свою ближнюю родину, и цѣлые сутки проходили въ совѣтахъ; но у невѣсты согласія не спрашивали; желаетъ или не желаетъ она идти замужъ—объ этомъ много не беспокоились. Часто бывали случаи насильной выдачи дѣвицы, при чемъ, невѣста всячески упирается, реветь, ругасть и поносить своего жениха,—но на это родители не обращаютъ вниманія, равно и женихъ, вѣря въ пословицу, что „стернится—слюбится“.

Когда всѣ собранные родственники послѣ долгихъ обсужденій найдутъ, что дѣвицу можно выдать за пріѣхавшаго жениха, то родители ея посыпаютъ кого-нибудь за „большимъ сватомъ“, какъ называется сватъ, чтобы онъ шелъ вмѣстѣ съ женихомъ на „рукобитье“.

Въ это время дома невѣсты бываетъ биткомъ набить сбѣжавшимся со всей деревни народомъ. Невѣста до прихода жениха сидѣть на лавкѣ, но лишь онъ переступитъ порогъ, какъ она опрометью бросается въ другую половину горницы или въ сѣни, а то и за печь. Женихъ помолится передъ иконами, поздоровается со всѣми и лишь тогда спросить про невѣсту. А ее дѣвицы, ся подруги, всячески прячутъ и укрываютъ отъ жениха и лишь послѣ того, какъ женихъ угостить конфектами или другими лакомствами дѣвицъ—онъ тогда приводятъ невѣсту.

Невѣста здоровается съ женихомъ, и затѣмъ, помолясь Богу, всѣ садятся за огромный, составленный изъ иѣсколькихъ столовъ, „рукобитный“ столъ. Женихъ садится рядомъ съ невѣстой, направо отъ нея; съ женихомъ рядомъ сидѣть сватъ, за сватомъ ближайшіе родственники невѣсты, все мужчины. По лѣвой сторонѣ невѣсты сидѣть сестра или подруга и далѣе всѣ дѣвицы, ся подруги и ровесницы.

Противъ будущихъ молодыхъ на столъ становится „микунка“, большой ржаной хлѣбъ съ солонкой наверху. Затѣмъ на столъ приносятъ огромный подносъ съ дюжиною чайныхъ стакановъ, и сватъ изъ подъ стола достаетъ полуведерный боченокъ съ виномъ. Вино на рукобитыя бываетъ отъ жениха, но разливаютъ его родственники невѣсты. Когда пальяютъ всѣ двѣнадцать стакановъ, то всѣ сидящіе за столомъ встаютъ и иѣсколько минутъ молятся передъ иконой съ зажженой свѣчей или лампадой. Затѣмъ всѣ садятся. Первые стаканы подносятся жениху съ невѣстой. Женихъ иногда, для „смѣлости“, выпиваетъ весь стаканъ заливомъ, а невѣста только омочить губы. Потомъ подчинаютъ свата и остальныхъ мужчинъ, сидящихъ за столомъ. Послѣ мужчинъ угощаются виномъ всѣхъ дѣвицъ, подругъ невѣсты, а далѣе поятъ весь народъ, находящійся въ домѣ, всѣхъ отъ старого до малаго, при чемъ, это угощеніе для постороннихъ называется „пучеглазнымъ“, но обойти никого нельзя,—такъ требуетъ обычай. Многіе, особенно ребята и подростки, пьянѣютъ отъ одного стакана, но за первой „рядовой“ идетъ вторая, потомъ третья, и съ каждой минутой народъ дѣлается веселѣе и шумище.

Послѣ рукобитыя бываетъ уговоръ, сколько женихъ долженъ заплатить за невѣсту, *) и назначается срокъ до вѣнчанія, а также дни „смотрѣнья“—пониманье и „колечко“. Когда все это будетъ порѣшиено,—то всѣ выходятъ изъ-за стола, и начинаются танцы—открывается первая свадебная вечеринка. Теперь въ домѣ невѣсты вечеринка бываетъ каждый вечеръ вилотъ до отѣзда къ вѣнчанію, и изъ ближнихъ деревень приезжаются дѣвицы-гости. Днемъ эти дѣвицы помогаютъ шить приданое невѣсты, а также подарки жениху.

Черезъ иѣсколько дней послѣ рукобитыя женихъ прѣѣзжаетъ со всей своей родной смотрѣть невѣсту; это называется „смотрѣнье“. Родственники жениха ёдуть иногда лошадяхъ на пятнацати, и этотъ обозъ называется „поѣздомъ“. Прѣѣзжая въ деревню невѣсты почью, поѣздъ ярко освѣщается фалалами, зажжеными старыми бураками, кошелями, порочкиами и т. п. Встрѣчать гостей выѣгасть вся деревня; ёдуть съ иѣснями и виномъ. Останавливаются опять не у невѣсты, а у кого-нибудь посторонняго, чаще у того же, где стояли женихи, прѣѣхавъ свататъ. И затѣмъ всѣ прѣѣхавшіе отправляются въ домъ невѣсты на „смотрѣнье“.

*) Теперь, наоборотъ, деньги даютъ жениху, какъ приданое.

Слова начинается такое же понятие и угощениe, какъ было на рукобитьѣ, съ той лишь разницей, что теперь родители невѣсты угощаютъ родственниковъ жениха и не погать постороннихъ, не даютъ имъ „учеглазнаго“. Кромѣ вина, пьютъ чай, и на столахъ бываютъ разныя лакомства. Послѣ смотрѣнія прѣхвашніе ножилы гости уходятъ на свою квартиру, а молодежь остается танцевать. Поутру „побѣзжане“, родственники жениха, на своей квартирѣ устраиваютъ для родителей невѣсты и ея родни ширь-угощениe,—это называется „пониманье“. Что это слово означаетъ, понять трудно. Так же пьютъ, погаютъ, гуляютъ, какъ и на предыдущихъ пирахъ, но невѣста на „пониманьи“ не бываетъ. Затѣмъ гости всѣмъ побѣзжаютъ домой съ громкими пѣснями.

Еще черезъ пѣсколько дней женихъ снова прѣбжаетъ къ невѣстѣ съ подарками,—дарить шелковый платокъ, материю на платье и кольцо,—это говорятъ: „женихъ прѣбжаетъ съ колечкомъ“. Прѣбжаетъ онъ лишь вдвоемъ со сватомъ, безъ всякой свиты, и вина этой разъ пьетъся гораздо менѣе. Так же садятся за столъ, женихъ рядомъ съ невѣстой, угощаются, и затѣмъ женихъ на подносе подноситъ своей невѣстѣ подарки,—она ихъ съ поклономъ принимаетъ,—и церемонія „колечка“ тѣмъ заканчивается. Теперь женихъ бываетъ послѣдний разъ въ домѣ невѣсты *женихомъ*, а послѣ прѣбжаетъ уже *молодикомъ*.

Женихъ послѣ рукобитьяѣздитъ къ священнику за благословеніемъ, затѣмъ привязываетъ къ дугѣ три колокольчика и все время отъ рукобитья до вѣнчанія разѣбжаетъ съ громкимъ звономъ колокольчиковъ вдвоемъ съ какимъ-нибудь молодымъ парнемъ, не сватомъ, по своимъ родственникамъ,—зоветь ихъ на свадьбу. На свадьбу зовутъ не только ближнихъ родственниковъ, какъ двоюродныхъ и троюродныхъ, но „четвероюродныхъ“ и разныхъ кумовьевъ, крестовыхъ братьевъ, сватовъ, хоронихъ друзей и т. д. Вступая въ домъ, гдѣ нужно позвать на свадьбу родственника, женихъ и его товарищъ обращаются къ нему со слѣдующими словами:

„Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насть! Во имя Отца и Сына и Святого Духа! НН... (называется имя) просимъ тебя къ татенькѣ, къ маменькѣ хлѣба-соли покушать, добрыхъ рѣчей послушать, а ко миѣ на законный бракъ! Просимъ покорио! просимъ покорио!“ (3 раза). И при этомъ три раза кланяются въ ноги передъ каждымъ приглашаемымъ; тотъ, въ свою очередь, тоже кланяясь, благодаритъ за приглашеніе. И сколько бы въ домѣ ни было людей, даже постороннихъ, совсѣмъ чужихъ и незнакомыхъ жениху—онъ обязанъ *всѣхъ* позвать на свою свадьбу вышеприведенными словами. Въ каждомъ домѣ, гдѣ женихъ зоветъ гостей, его угощаютъ виномъ. Оть вездѣ присаживается, вѣздѣ пьетъ и къ вечеру каждого дня панивается до безчувствія, равно также и его товарищъ.

Паконецъ, всѣ родственники обозваны, все къ свадьбѣ приготовлено, и наступаетъ день отправлять „дружекъ“ за невѣстой. Дружками всегда бываютъ удалые ребята, краснобаи и шутники, которые умѣютъ шутить и дѣло дѣлать. Лошадь у нихъ мѣстныхъ дѣвицы всячески украшаютъ: въ гриву и въ хвостъ вилетаютъ ленты, къ сбруї павязываютъ бубенчиковъ, а къ дугѣ тоже три колокольчика; четвертый колокольчикъ дружки берутъ въ руки. Самыхъ дружекъ дѣвицы также украшаютъ: на рукава тулуповъ павязываютъ ленты, къ шапкѣ пришиваютъ составленную изъ разноцѣптиныхъ лоскутковъ „звѣзду“, такую же звѣзду

прикальваютъ къ груди. И паканунѣ дня вѣничанія дружки, сопутствующіе невестами дѣвицѣ и бабѣ, а также изрядно выпивши, уѣзжаютъ за невестой.

Въ домѣ же невесты въ послѣдній день ея пребыванія въ дѣвицахъ до приѣзда дружекъ устраивается „заплачка“. На заплачку ходятъ, зовутъ по деревнѣ всѣхъ сосѣдей, и обязательно присутствуютъ всѣ бабы и дѣвицы. Когда собирается полныи домъсосѣдей, невесту садятъ въ „большой“ красный уголъ, падѣваютъ на голову жемчужину „перевязку“ и покрываютъ большими платкомъ. По лѣвой руку невесты садится „стиховодница“, женщина, хорошо знающая и поющающая подобающія случаю старинныя свадебныя пѣсни. Такихъ стиховодницъ бываетъ немногіо, и лучшую изъ нихъ постоянно возятъ по заплачкамъ даже въ дальняія деревни. По правую руку невесты садится ея отецъ, а если его неѣть въ живыхъ, то старшій братъ или кто-нибудь изъ ближнихъ родственниковъ мужскаго пола. Стиховодница начинаетъ жалобную пѣсню; некоторые бабы, знающія тѣ пѣсни, помогаютъ неѣть, и невеста, сначала слабо, а потомъ все сильнѣе и громче начинаетъ „плакать“, захвативъ за шею отца или замѣняющаго его, при чемъ, приговаривающа: „зачѣмъ отдасте меня въ чуже-далльнюю сторону? зачѣмъ гоните изъ родного дома? Родимый батюшка! зачѣмъ продаешь меня чужимъ людямъ?...“ и т. д., а плачъ ея переходитъ уже въ сильный ревъ. Послѣ отца къ невестѣ садится мать, и съ ней повторяется то же самое, тѣ же слова и причитанія, лишь ревъ усиливается, и невеста долго не вынуждается изъ объятій матери. За матерью, посмѣшино, къ невестѣ садятся братья и сестры, вообще, всѣ близкайшіе родственники; и когда „отилачутъ“ всѣ родственники, то приходить очередь и до дѣвицъ, подругъ невесты. Съ ними невеста тоже долго плачетъ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону и обхвативъ за разъ двухъ подругъ. Въ концѣ заплачки невеста теряетъ свой голосъ и только уже хрипѣть, а также и стиховодница устаетъ неѣти пѣсни—и не диво—заплачка иногда продолжается часа три. Послѣ заплачки начинаются послѣднія приготовленія невесты.

А въ это время дружки уже находятся въ деревнѣ невесты, но на заплачкѣ не присутствуютъ,—тутъ имъ быть не полагается. И лишь когда заплачка кончится, они съ колокольчикомъ въ руки приходятъ къ дому невесты,—но ихъ туда непускаютъ, и они, постучавъ у сѣней, уходятъ обратно, громко позванивая.

Всегдѣ за первымъ посѣщеніемъ дружекъ въ домѣ начинается послѣднія печальная церемонія—расплетенія у невесты ея дѣвичьей косы. До этого собираютъ ужинъ, но за столъ садятся лишь невеста и ея подруги-дѣвицы; бабы же не сидятъ. Послѣ ужина, когда все уберутъ со стола, дѣвицы съ пѣснями приступаютъ къ расплетенію косы у невесты. И когда расплетутъ дѣвичью косу, волосы расходятся по плечамъ, и невестѣ подадутъ ленту изъ ея косы, „косоплетку“, то она этой лентой пещадло начинаетъ хлестать своихъ подругъ, плача и ругаясь за такое ихъ „преступленіе“. Она ихъ хлопасть не только лентой, но колотить кулаками по чѣму попало, царапасть когтями, пинать, рвать за волосы и входить въ настоящую злобу. Избиваемая кричатъ, визжатъ, мечутся во всѣ стороны, но изъ дому не уѣгаютъ.

Мало-по-малу все успокаивается, и невеста утихаѣтъ. Когда кончится эта кутерьма, дружки приходятъ второй разъ къ дому невесты, и снова стучатся. Въ сѣни выбѣгаютъ дѣвицы и спрашиваютъ: „Кто

стучитъ?“ Дружки отвѣчаютъ:—Купцы хороши, гости пригожи! и зовутъ колокольчикомъ въ рукѣ.

„Что вамъ надо?“—снова спрашиваютъ ихъ дѣвицы.

— Приедѣть насть князь (называютъ имя жениха) за товаромъ. Въ этомъ домѣ есть подторгованный имъ товаръ. Мы прѣѣхали по его порученію да по Божьему соизволенію. Випустите насть!

„Нѣтъ! не пустимъ васъ. Можетъ быть вы разбойники,—кто вѣсть знаетъ“—шутятъ дѣвицы. „Не пустимъ!“

— Господи, Государю Христе!—мы честные купцы, удальные молодцы, ребята-хваты, и прїѣхали мы къ вамъ не съ порожними руками. Нашъ князь (имя жениха) прислали для вѣсти много подарковъ: пряниковъ, леденцовъ, серебра, червецовъ (вѣброятию, червошевъ). Красныя дѣвицы, ягодныя нагубиницы, грибовъ разорительницы, на полѣ воительницы, да випустите насть! А вотъ прянинки для вѣсти!

Послѣ такихъ прибаутокъ дѣвицы отираютъ сѣни, и дружки, громко побрякивая колокольчикомъ, входятъ въ домъ невѣсты. Невѣста же въ это время куда-нибудь прячется, ее прикрываютъ разной одеждой; по обѣимъ сторонамъ ея садятся вернувшись изъ сѣней дѣвицы, которая тоже закрываются платками, и дружкамъ предоставляется отыскивать ту, которую имъ надо. Снова съ шутками и смѣхомъ они приступаютъ къ розыскамъ невѣсты и сначала пересмотрятъ всѣхъ подругъ ея, а уже потомъ найдутъ будущую „киягиню“. Удостовѣряясь, что она жива и здорова, дружки, угостивъ лакомствами дѣвицъ за открытие сѣней и пожелавъ невѣстѣ и еи роднымъ спокойной ночи, уходятъ на свою квартиру, гдѣ и остаются до утра. Невѣста ложится спать послѣднюю ночь въ родительскомъ домѣ; спить она, окруженнная дѣвицами-подругами, какъ надежною стражею; въ ту ночь вечеринки болѣе не бываетъ.

По утру рано дружки со звономъ колокольчика третій разъ приходятъ въ домъ невѣсты—будить ее. На этотъ разъ они стучатся у дверей съ молитвою, и съ молитвою ихъ впускаютъ въ домъ. Затѣмъ они идутъ въ ту половину дома, гдѣ спитъ невѣста, и звономъ колокольчика будятъ ее... Невѣста встаетъ, умывается, молится, и начинаются послѣднія приготовленія къ отѣѣзу ея изъ родительского дома; дружекъ въ это время поятъ часомъ и виномъ, но они своего порученія не забываютъ и часто встаютъ изъ-за стола и торопятъ хозяевъ, чтобы поскорѣе справляли невѣсту. Когда невѣсту одѣнутъ и благословятъ родители иконою,—её дружки выводятъ изъ дома, садятъ въ сани, а рядомъ съ нею ея крестную мать, „большую сватью“, сами садятся въ переднія сани и увозятъ въ церковь. Бабы, сбывающіяся со всей деревни, ноютъ свадебныя шенки, и дружки съ невѣстою и еще двумя сватыми позади скрываются изъ виду.

Послѣ отѣѣзу невѣсты приготавляется поѣздъ съ приданиемъ. Всѣ коробья, ящики, вся одежда, посуда кладется въ нѣсколько саней, а въ переднія сани кладутъ постель, подушки и одѣяла, и на тѣ сани на постель садятся родители невѣсты, и когда всѣ ихъ родственники приготавливаются къ отѣѣзу, поѣздъ трогается къ дому жениха.

Женихъ къ вѣничанию уѣзжаетъ со своимъ крестнымъ отцомъ, который въ это время называется „тысяцкимъ“, и сидить отъ тысяцкаго на лѣвой сторонѣ саней. Тысяцкій привѣтъ лошадью.

Нока происходитъ въ церкви обрядъ вѣличанія, все то время къ дому жениха подѣѣжало по троє и по четверо въ санихъ родствен-

ники жениха, имъ приглашенные на свадьбу. Каждое семейство привозить съ собою т. н. „мякушку“, ржаной хлѣбъ отъ 10 до 20 фунтовъ вѣсомъ, и по приходѣ въ домъ кладеть ее на столъ,—„мякушка на свадьбу“. Такихъ мякушекъ привозится не одинъ десятокъ...

Въ ожиданіи прѣзыва молодыхъ отъ вѣнца все населеніе деревни высыпаетъ на улицу,—не даромъ и пословица есть такая: „у соѣда свадьба—всей деревни праздникъ“,—мужики устраиваютъ своего рода „тріумфальныя ворота“, вывѣшиваютъ флаги, а бабы и девицы при видѣ подъѣзжающаго со звономъ колокольчиковъ свадебного поѣзда,—горланятъ пѣсни. Если же дѣло происходитъ поздно вечеромъ, то по обѣимъ сторонамъ дороги становятся пустыя старыя бочки, кладутся кучки полѣньевъ, бросаются снопы соломы, и все это передъ прѣздомъ молодыхъ зажигается, и, кроме того, ребята бѣгаютъ встрѣчать новобрачныхъ съ зажженными факелами.

Отъ вѣнцаѣдуть на первой лошади дружки, а за ними молодые, которыхъ везетъ тысяцкой; при вѣзѣдѣ въ деревню молодые все время кляняются встрѣчающему народу, и молодикъ бросаетъ деньги за пѣсни и флаги. Потомъ весь брачный поѣздъ вѣзѣжаетъ по вѣзѣду въ сарай дома родителей жениха, и ворота сарада закрываются,—народа первое время въ домъ не пускаютъ.

Родители молодика, встрѣчая новобрачныхъ, благословляютъ ихъ иконою, затѣмъ однихъ молодыхъ кормятъ обѣдомъ и поять чаемъ, и уже потомъ начинается пиръ, „большой столъ“. Въ это время прѣезжаютъ „рожники“, родственники молодой съ ся приданымъ, и всѣ они усаживаются за столъ. На стѣнѣ надъ молодыми прибиваются двѣ „вѣнчальныя“ иконы, на нихъ вѣсится полотенце, и зажигаются свѣчи... Большой столъ тянется очень долго; въ продолженіе его молодая нѣсколько разъ „проздравляетъ“, т. е. цѣлуетъ своего мужа, и для этого они оба встаютъ... Вино во время пира льется, какъ вода, гости пьянятъ, дѣлаются все шумливѣ и безлѣкайї... Тутъ молодые выходятъ изъ-за стола, и начинается „сбираніе баника“.

Молодикъ береть въ руки графинъ съ виномъ, а молодая—маленький подносъ съ одной рюмкой. Новобрачный наливаетъ эту рюмку, а новобрачная подноситъ ее сначала свекру. Тотъ рюмку выливаетъ и въ нее опускаетъ монету; потомъ также подчуютъ свекровь, и она тоже кладеть въ рюмку деньги. И далѣе такимъ образомъ обходить всѣхъ родственниковъ, а потомъ всѣхъ присутствующихъ въ домѣ; и всѣ пьютъ и всѣ даютъ деньги молодой. На баникъ она набираетъ порядочную сумму. Послѣ баника отъ имени молодой дарятъ ся родители всѣхъ близкайшихъ родственниковъ молодика, начиная со свекра; подарками служатъ разныя матеріи,—для мужчинъ пиджаки и брюки, а для женщинъ кофточки и юбки, а также платки. Послѣ же того молодыхъ благословляютъ и уводятъ спать,—въ нетопленую горницу, чуланъ или клѣтъ, хоть будь морозъ градусовъ въ 30. Благословляютъ черезъ растянутую на полу шубу; и при этомъ въ старину былъ обычай, что не только первую ночь, но и всю первую зиму молодые спали въ холодномъ помѣщеніи, окутываясь шубными одѣялами. И послѣ того, какъ молодыхъ унедутъ спать, пиръ еще долго продолжается, до самаго утра; гости пьютъ вино, поютъ пѣсни, пляшутъ, пшумятъ, и не рѣдки случаи заноя до смерти наиболѣе усердныхъ потребителей вина.

На другой день дружки уже безъ колокольчика ходятъ будить молодыхъ, при чемъ, колотятъ въ тазы и сковороды. И когда молодые

встануть, снова для гостей собирается „блинный столъ“, гдѣ первымъ блюдомъ подаются горячіе блины. Также питья пьютъ и поютъ. Послѣ блиннаго стола родители молодой уѣзжаютъ домой, предварительно пригласивъ къ себѣ всѣхъ новыхъ родственниковъ на „хлѣбины“, и дома дѣлаютъ приготовленія для послѣдняго свадебнаго пира.

И поздно вечеромъ того дня, или утромъ на другой день (уже третій послѣ вѣнчанія) молодые безъ колокольчика и на переднихъ санихъ отправляются къ отцу и матери молодухи на „хлѣбины“. За нимиѣѣдуть дружки, тысяцкій, сваты, свекоръ со свекровью и всѣ ихъ родственники; поѣздъ состоится изъ двухъ или трехъ десятковъ саней и изъ 40—60 человѣкъ гостей... Тесть съ тещей тоже стараются не ударить въ грязь лицомъ; дѣлаютъ большія приготовленія, чтобы угостить родину зятя, покупаютъ много вина, разныхъ лакомствъ, и, главное, теща нечѣть бѣлые блины, чтобы покормить ими зятя. И хлѣбины проходятъ также шумно и весело, какъ и всѣ предыдущіе „столы“... На разсвѣтѣ всѣ гости разѣзжаются по домамъ, а молодые остаются погостить и почуютъ почъ или двѣ въ домѣ тестя. Потомъ они уѣзжаютъ въ домъ молодого, и для нихъ тоятъ баню, туда молодые ходятъ вдвое мъ, вмѣстѣ... Баню заканчиваются всѣ свадебныя торжества и гулянія, и далѣе жизнь идетъ уже обычнымъ путемъ.

Такъ происходили свадьбы у онежанъ въ старину, но теперь они совершаются уже не такъ. Нынѣ часто парень съ вечеринки уходитъ сватать, не спрашивая ни совѣта, ни благословенія у родителей, лишь заручившись согласіемъ невѣсты, и первымъ дѣломъ объявляетъ свою „цѣну“—сколько онъ памѣренъ требовать денегъ съ невѣстой въ счетъ приданаго. „Цѣна“ бываетъ отъ 25 до 100 рублей, и если послѣ торговъ и взаимныхъ уступокъ получится согласіе на бракъ, то женихъ на рукобитъѣ и получаетъ всѣ деньги впередъ, „авансомъ“. Въ случаѣ, если пріѣдетъ свататься другой женихъ на той же невѣсты, „на перебой“, и откажутъ первому,—то деньги, выданные первому жениху, заnimъ и остаются, и для родителей невѣсты принаадають. Такіе случаи бываютъ не рѣдко. Затѣмъ, теперь не бываетъ ни „смотрѣнья“, ни „пониманья“, и даже съ „колечкомъ“ щедрѣе не каждый женихъ; старинные церемонии мало-по-малу забываются, но вся тягость свадебныхъ расходовъ перенесла на сторону невѣсты: родителямъ дѣвицы нужно выдать деньги жениху и справить свадьбу, не говоря про приданое, которое дѣлается все богаче и роскошнѣе сравнительно съ прежнимъ. Теперь не рѣдко кладутъ приданымъ и самовары съ приборами, и всѣ сельско-хозяйственные орудія для невѣсты,—косу, серпъ, грабли, кичигу, пріузъ, коноруло и т. д. Но этому справедлива онежская пословица, гласящая: „нѣть хуже бѣды, какъ пять дѣвокъ“. И дѣйствительно, съ каждой дочерью крестьянской семьи нужно отдать постель, три подушки, три одѣвала, три постельника, не говоря уже про ея наряды, которые обходятся очень дорого, и про всѣ свадебные расходы...

Зато онежскимъ женихамъ теперь приволье: не имѣя ни копейки своихъ денегъ,—онъ, отправясь сватать, получить и деньги, и жену и возы приданаго, и всѣ свадебные расходы падутъ на его тестя. И чѣмъ болѣе просить денегъ женихъ съ невѣстой, тѣмъ онъ самъ становится цѣнѣнѣе. Былъ случай, когда одинъ женихъ сваталъ, не прося денегъ,

то этого жениха все считали ненормальнымъ и вездѣ ему отказывали. Въ другомъ случаѣ женихъ спросилъ лишь 5 руб., но это приняли за насмѣшку.

Такъ измѣнились онежскія свадьбы сравнительно съ прежними,— линъ одно осталось неизмѣннымъ,—вино по старому берется ведрами, отъ 3 до 10, и на свадебныхъ пирахъ льется рѣкой.

В. Гл.

Архангельское Общество изученія Русского Сѣвера.

Засѣданіе Правленія 26 июля. Было заслушано слѣдующее письмо Н. В. Меѳодіева, полученное на имя Предсѣдателя Правленія:

„Милостивый Государь

Петръ Герардовичъ!

По дошедшемъ до меня свѣдѣніямъ, докладъ г. Иванова „Сѣверъ и Земство“, читанный въ собраніи Архангельскаго О-ва изученія Русскаго Сѣвера, будеть напечатанъ въ журнアルѣ Общества.

Докладъ этотъ, составленный въ высшей степени тенденціозно, является продолженiemъ кампаніи, которая ведется лично противъ меня газетою „Сѣв. Утро“. Составленъ онъ сотрудникомъ „Сѣв. Утра“ и принять къ печатанію членами редакціонной комиссіи Общества, сотрудниками той же газеты.

Кампанія противъ меня была начата еще рапорѣ журналаомъ Архангельскаго О-ва изученія Русскаго Сѣвера, помѣтившимъ въ 1908 г. направлennую противъ меня статью, весьма непристойную по формѣ и по содержанию.

Я тогда не реагировалъ на эту непристойность потому, что всякая гнусная выходка дискредитируетъ лишь тѣхъ, кто ее совершаетъ. Само Общество тогда устыдилось и для контроля за редакторомъ назначило редакціонную комиссию.

Теперь въ журнアルѣ Общества имѣть совершиться такой же личнаго характера вынадѣ, лишь болѣе приличный по формѣ.

Мнѣ кажется, что Общество, въ интересахъ сохраненія своего достоинства, не можетъ допускать на страницахъ своего журнала свѣдѣнія личныхъ счетовъ между отдѣльными своими членами.

Въ виду этого я обращаюсь къ Вамъ, какъ Предсѣдателю Общества, съ просьбой поставить вопросъ о напечатаніи упомянутаго доклада г. Иванова въ журналѣ Общества на обсужденіе и решеніе Правленія и недопускать печатанія доклада прежде, чѣмъ выяснится отношеніе къ нему со стороны Правленія Общества изученія Русскаго Сѣвера.

Примитеувѣреніе въ совершенномъ почтеннѣи П. Меѳодіевъ.

Послѣ обмына мнѣній было поставлено на голосованіе слѣдующее предложеніе: „Считаешься ли нужнымъ Правленіе ознакомиться со статьей г. Иванова „Сѣверъ и Земство“, разсмотрѣнной и одобренной редакціонной комиссией въ числѣ 4 членовъ и сданной уже въ печать, прежде чѣмъ она будеть выпущена въ свѣтъ?“.

Предложеніе это большинствомъ противъ одного голоса, при 2-хъ воздержавшихся отъ голосованія было отклонено.